

ПРАВДА — СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЗАКОН В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. В. Попова

Челябинский государственный университет, Миасский филиал, Миасс, Россия

Рассмотрено историческое соотношение концептов «правда — справедливость» и «закон» в русской языковой картине мира. Сопоставлена частотность их вербализации в древнерусском языке. Выявлено доминирование макроконцепта «правда — справедливость» в истории языка русского права при обозначении правомерных явлений. Подтвержден долговременный синкретичный характер представления о правомерности в русском правосознании.

Ключевые слова: концепт «закон», макроконцепт «правда — справедливость», правосознание, юридический термин, языковая картина мира, язык права.

Язык можно рассматривать как ключ к изучению правосознания. Взаимосвязь языка, сознания и культуры позволяет использовать лингвистические методы для исследования этнокультурного базиса правосознания.

В теории права в структуре правосознания принято выделять рациональные (взгляды, идеи) и эмоциональные (эмоции, переживания) компоненты, выражающие отношение людей к действующему или желаемому праву. Правосознание выражает оценку права с точки зрения его (не)совершенства, (не)справедливости. Объектами правосознания являются законы, законность, правопорядок, правотворчество, правосудие, акты правосудия [21.С. 237—238].

Правосознание обладает национально-культурной спецификой. Так, Б. А. Кистяковский утверждал: «Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен <...>. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» [15]. Этнокультурная специфика правосознания возникает в силу обусловленности развития права историей и этнопсихологией нации. Доминантные черты национальной ментальности, в том числе элементы правосознания, выражаются в национальном языке.

Русское правосознание в исследованиях второй половины XX в. рассматривается преимущественно как нигилистическое: *закон/право* является антиценностью, ей противопоставлены *правда/справедливость* и *совесть*, которые представляют

высшую ценность. Данная оппозиция отражает противопоставление юридического и этического аспектов правосознания: закон определяется как искусственное, насильственное, навязанное установление, негативно воспринимаемое людьми или оставляющее их равнодушными [1; 7; 13; 16; 22; 21 и др.]. Если в латинском языке справедливость приравнивается к правосудию, законности, то в русском языке это противоположные категории [3. С. 97]. Негативное отношение к закону подтверждают пословицы: *Где законники/закон, там и обида. Хоть бы все законы исчезли, только б люди правдой жили* и др. Закон в обыденном правосознании оценивается как внешняя причина несправедливости, обиды. Правда и справедливость в русской ментальности взаимообусловлены и соотнесены с внутренним миром человека [8; 17; 31]. По мнению Н. Д. Арутюновой, история концепта «правда» отражает его синкретичность, аксиологическую противоречивость, неустойчивость: концепт формировался одновременно в сфере права и веры; затем лексема *правда* утратила юридическое значение и приобрела значение истинностной оценки, сохранив связь с нравственностью; в результате концепт «правда» стал обобщением нравственного закона [1. С. 551—570].

Важным представляется рассмотреть историческое соотношение концептов «закон» и «правда — справедливость» в русской языковой картине мира исходя из активности их вербализации. В древнерусском корпусе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) количество словоупотреблений по запросу «закон» — 303, по запросу «правда» — 269, то есть данные концепты имели

примерно одинаковую частотность вербализации [24]. Например, в переводном сборнике «Пчела» XIII в. (византийской антологии, включающей тексты из Св. Писания, сочинения отцов Церкви и античных философов) у *закон* — 75 вхождений, у *правда* — 56 вхождений. При изучении концептов «закон» и «правда — справедливость» необходимо учитывать многозначность имен концептов: юридическое значение лексем *закон* и *правда* сосуществовало с религиозным и моральным [30. Вып. 5. С. 217—218; Вып. 18. С. 98]. Преобладание того или иного концепта обусловлено тематикой текстов: вниманием к религиозным, моральным или юридическим нормам. Так, в «Повести временных лет» XII в. у *закон* — 39 вхождений, у *правда* — 21 вхождение. В текстах летописей XII—XIV вв. (Киевской, Новгородской, Галицкой, Волынской, Суздальской) *правда* имеет более высокую частотность, доходящую до преобладания в 7—8 раз, например: в Киевской летописи у *закон* — 4 вхождения, у *правда* — 28; в Суздальской летописи у *закон* — 3 вхождения, у *правда* — 25. Используя полученные показатели, можно констатировать одинаковую актуальность концептов «закон» и «правда — справедливость» в древнерусской языковой картине мира с доминированием их в различных сферах. Так, лексема *закон* частотна в религиозных текстах как в религиозном, так и в правовом значении. Необходимо подчеркнуть отсутствие вербализации концепта «закон» при наличии концепта «правда — справедливость» в своде правовых норм «Русская Правда», что демонстрирует традиционность лексемы *правда* для выражения значения 'правовая норма' в восточнославянском языковом сознании. На это в XIX в. обратил внимание П. Ф. Калайдович: в древнерусском языке *правда* означает 'закон' [12. С. 129]. Таким образом, рассмотренный материал не дает основания утверждать, что в древнерусский период концепт «закон» является антиценностью: соответствующие контексты с негативной оценкой в древнерусском корпусе НКРЯ не обнаруживаются.

Придерживаясь исторического подхода к анализу русского правосознания, следует обратить внимание на труды философов, правоведов, филологов, объясняющие его специфику.

И. В. Киреевский отмечал, что обычное право Древней Руси формировалось естественным, а не отвлеченно-логическим образом. Закон в России «не сочинялся» предварительно, а записывался после закрепления в быту и народном сознании.

Русские законы имели два источника — бытовое предание и внутреннее убеждение. При законодательном закреплении норм и при их применении более важным был принцип «внутренней», а не «внешней» правды, справедливость предпочиталась буквальному смыслу формы [14].

И. А. Ильин, характеризуя русскую ментальность, подчеркивал ее стремление к соединению права и закона с верой и совестью, необходимость религиозного и нравственного обоснования правовых институтов [11. С. 579—580].

Б. А. Кистяковский обращал внимание на ошибочную точку зрения славянофилов и народников о том, что русскому народу чужды «юридические начала», что он действует исключительно по внутренним, этическим побуждениям. Корректируя данную позицию, Б. А. Кистяковский связывал специфику русского обыденного правосознания с духом коллективизма: общинный строй регулировался «внутренним сознанием о праве и неправе, живущим в народной душе», то есть нормы права и нормы нравственности были недостаточно дифференцированы [15].

Изложенные суждения о специфике русского правосознания коррелируют с мнением В. Н. Муравьева о специфике русского религиозного сознания, восприятия религиозных норм. Философ подчеркивал, что основа мирозерцания Древней Руси — «небывалая цельность духа», поэтому в русском православии Бог и правда Церкви сознается человеком изнутри, а не является законом, кем-то извне налагаемым [23].

Истоки русского правосознания обретают более четкие черты в результате лингвистической реконструкции на материале ключевых номинаций правовой сферы. В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым с помощью семантико-этимологического анализа доказано, что славянское право, в отличие от латинского и европейского, основано на синкретизме понятий права, правды, справедливости и закона, в архаичном сознании имеющих «божественное происхождение». Общее обозначение права и закона воплотилось в праславянском **pravo*, указывающем на сферу упорядоченного, законосообразного. Производные от корня **prav-* широко представлены в древнерусском юридическом языке [10. С. 234—235]. Фактически речь идет о реконструкции правового сектора праславянской языковой картины мира. Ядро этого правового сектора, очевидно, унаследовано русской языковой картиной мира.

Таким образом, спецификой русского правосознания исторически считается не правовой нигилизм,

а синкретичный характер представления о правовой норме и праве в целом. Данная концепция получила поддержку в дальнейших исследованиях правоведов [4; 28; 6; 9]. При сопоставительном лингвистическом изучении социальной нормы в немецкой и русской лингвокультурах подтверждена связь русских концептов «закон», «правда», «справедливость» в рамках категории социальной нормы [2. С. 93]. Выдвинуто предположение о том, что разделение синкретичного комплекса протонорм на правовые, моральные, религиозные нормы произошло в Новое время, то есть к XVII в. [28. С. 128].

Актуальность изучения истории русского правосознания с помощью лингвистических методов применительно к языку русского права не вызывает сомнения в правоведении [28. С. 16—17]. Отметим недостаточность лингвистических исследований правового сектора русской языковой и концептуальной картины мира в диахронии. В частности, необходимо проследить функционирование и соотношение макроконцепта «правда — справедливость» и концепта «закон», а также взаимосвязанных с ними концептов на материале текстов нормативно-правовых документов. По нашим данным, история русского юридического языка свидетельствует о сохранении эксплицитной связи правовой сферы с нравственно-религиозной сферой после архаичного периода («Русской Правды»), в частности в Новое время.

Анализ лингвокультурной семантики этноконцептов «правда», «справедливость» подтверждает их взаимосвязь: *правда* — основная форма выражения справедливости, добра, праведности, она признается душой [17. Т. 2. С. 82]; *справедливость* — ощущение правды, побуждающее принимать праведное беспристрастное решение [17. Т. 2. С. 313]. Перечисленные концептуальные признаки указывают на корреляцию макроконцепта «правда — справедливость» с этноконцептами «добро», «праведность»: *добро* выражает правду, создает справедливость [17. Т. 1. С. 205]; *праведность* — совесть, честность, добродетельность [17. Т. 2. С. 86]. Описанная концептосфера вербализована в законодательных актах Древней, Московской Руси, XVIII—XIX вв. Ее обязательный характер в сфере права при установлении правовых норм, квалификации правовых явлений свидетельствует об устойчивости нравственно-правового синкретизма. Приведем характерные примеры.

Так, в Судебниках 1497 г., 1550 г. [29. Т. 2], кодексах XVIII—XIX вв. [27] для номинации зако-

нопопослушности, правомерности использовались формулы, репрезентирующие концепт «добро», следовательно, и смежный макроконцепт «правда — справедливость»: *человек добрый, добрый* (субстантив), *добрый* в сочетании с названием должности, *добрый/добропорядочный гражданин* — о законопослушных людях (не преступниках, свидетелях, чиновниках); *(не)добросовестный* в сочетании с названием правового действия. Подчеркнем, что формулы *добропорядочный гражданин, добропорядочное поведение* (и ряд подобных), а также *добросовестный* в сочетании с названием субъекта права или правового действия продолжают функционировать и в современном законодательстве, выражая понятие правомерности в русле этнокультурной традиции.

В. В. Иванов, В. Н. Топоров отметили активность употребления прямых и производных номинаций семантической группы *правый, правьда* в русском юридическом языке: *правая грамота, дати правьду, затеяти правьду, судити право, сказати по праву, правезжь, доправити на комь; правосудие, правопорядок, правонарушение, правомерный* [10. С. 234]. В корпусе собранных нами примеров из законодательства наблюдается вариативность номинаций с использованием лексем *правый, справедливый, праведный, правосудный, правомерный* при обозначении правомерных явлений, особенно в актах, регламентирующих работу следственных и судебных органов: *суд правый / праведный / правосудие, розыск правый, причины правые/праведныя, вершит дело правдой, приговаривать и осуждать право, поступать праведно, спросить по самой суцой правде, показать по самой суцеей справедливости, справедливое решение, справедливое объяснение, справедливость учинить, правосудное решение, правомерный приговор*. Данная вариативность отражает сочетание в правосознании древних и более поздних представлений о правомерности, связанных единым этнокультурным базисом.

В настоящее время тексты памятников русского права XV—XIX вв. не адаптированы для изучения в виде электронного корпуса, поэтому полноценный корпусный анализ невозможен. Например, в НКРЯ представлена незначительная часть памятников права Петровской эпохи. Количественный анализ результатов ручной сплошной выборки из объемных нормативно-правовых документов демонстрирует активность функционирования и особую роль ядерных номинаций макроконцепта «правда — справедливость».

В процессуальном кодексе «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбебъ», уголовном кодексе «Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ» 1716 г. [27. Собр. I. Т. V. № 3006] термин *права* (в форме мн. ч.) 'нормативно-правовой акт', 'правовая норма' использован 15 раз. Следует подчеркнуть компенсаторную функцию термина *права*: он выступает как основное обозначение законодательного акта и правовой нормы, то есть используется вместо терминов *закон*, *указ* и в сочетании с *устав*: *Его Царскаго Величества права и уставы; Государственные права, нарушитель государственных прав; как Права объявляют / подтверждают / повелевают; в правах утверждено; по правам; приговор против прав; судьям знать надлежит права; доброе искусство в правах*. В указанных документах высока частотность лексемы *правда* 'истинное положение дел, реальные факты, устанавливаемые следствием и судом' (15 употреблений), а также различных производных терминов (примеры приведены выше).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в древнерусской языковой картине мира концепты «закон» и «правда — справедливость» актуальны в одинаковой степени, о чем свидетельствует примерно одинаковая частотность их вербализации (данные НКРЯ). Концепт «закон» более характерен для религиозной сферы как в религиозном, так и в правовом значении. Для правовой сферы при наличии концепта «правда — справедливость» ('правовая норма', 'правовой акт') концепт «закон» не харак-

терен. В древнерусский период концепт «закон» не является антиценностью. Во-вторых, специфической русского правосознания исторически считается не правовой нигилизм, а синкретичный характер представления о правовой норме и праве в целом. В праславянской и русской языковой картине мира синкретизм выражается в семантической универсальности корня *prav-, объединяющего понятия правды, справедливости и права, закона. В-третьих, язык права Древней, Московской Руси, XVIII—XIX вв. сохраняет исконную связь концепта «закон» и макроконцепта «правда — справедливость», в частности при номинации правовой нормы и правового акта. Следовательно, для русского правосознания в диахронии характерно особое представление о правовой норме, причем оно одинаково на обыденном (ценность *правды* — *справедливости* в паремиологии) и на профессиональном уровне. Если учение о русском антилегализме оправдывает реальную и потенциальную неправомерность поведения в российском обществе, то учение о нравственно-правовом синкретизме русского права может способствовать воспитанию уважения к правовым традициям и современным нормам права.

Перспективным направлением считаем сопоставительный анализ юридических концептов в русской и английской, немецкой, французской языковых картинах мира в диахронии и синхронии. Возрастание интереса к данной проблематике отражают современные исследования [5; 18; 19; 20; 25; 26; 32].

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999. 896 с.
2. Бабаева Е. В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: моногр. Волгоград, 2003. 171 с.
3. Байдавлетов А. Р. Концепт «правда-справедливость» в русской языковой картине мира (на материале фразеологии) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 3 (73). С. 92—98.
4. Беляев Г. Г. Концептуальные основы морально-правовой регуляции общественных отношений на Руси в X—XVI веках (Социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. 329 с.
5. Богачева Е. А. Лингвопрагматический аспект анализа судебного субдискурса (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 7—14.
6. Васильев А. А. Миф о низкой правовой культуре в России: проблема самоидентификации правовой системы // Современное право. 2009. № 12. С. 3—11.
7. Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: моногр. Волгоград, 2009. 190 с.
8. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. 696 с.

9. Золотухина Н. М. Формирование правопонимания и его терминологическое обозначение в русской средневековой юридической культуре // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 43—67.
10. Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // *Славянское языкознание. VIII Междунар. съезд славистов*. М., 1978. С. 221—240.
11. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 2. 672 с.
12. Калайдович П. Ф. Синонимы // *Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете*. М.: 1817. Ч. IX. Кн. XIII. С. 112—134.
13. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. 367 с.
14. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е. Е. Комаровскому). 1852. URL: http://az.lib.ru/k/kireewskij_i_w/text_1852_o_haraktere_prosveschenia.shtml (дата обращения 20.03.2021).
15. Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // *Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html> (дата обращения 20.03.2021).
16. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. 624 с.
17. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014.
18. Кузнецова Ю. А. Концепт *юрист* в русском и американском национальном сознании // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 4 (123). С. 246—254.
19. Левчук Л. К. Национальные менталитеты русских и американцев (на материале терминов Конституций РФ и США) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2017. № 2 (32). С. 226—231.
20. Лыкова Н. Н. Терминология правосудия в старофранцузском и древнерусском языках: сопоставительный аспект // *Политическая лингвистика*. 2016. № 5 (59). С. 142—149.
21. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2020. 529 с.
22. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003. 320 с.
23. Муравьев В. Н. Рев племени // *Из глубины: Сборник статей о русской революции*. М.; Петроград, 1918. URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/muravev.html> (дата обращения 20.03.2021).
24. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.03.2021).
25. Озюменко В. И. Лексико-семантические поля *judge* и *судья* в английском и русском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 195—213.
26. Пименова М. В. Развитие правовых метафор совести в русском и английском языках // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009. № 2. С. 96—100.
27. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I, II. СПб., 1830—1884.
28. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX — середины XVII вв.). М., 2006. 269 с.
29. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. М., 1984—1994.
30. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1991. Вып. 1—17; 1992—. Вып. 18—.
31. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М., 2001. 990 с.
32. Шелестюк Е. В. К вопросу о взаимовлиянии социальных институтов и культурных скриптов // *Лингвокультура университета: коллектив. моногр. / под ред. С. А. Питиной*. Челябинск, 2016. С. 37—56.

Сведения об авторе

Попова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Миасского филиала, Челябинский государственный университет. Миасс, Россия, ORCID 0000-0003-2690-246X. mila_fil@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 128—134.*

TRUTH — JUSTNESS AND LAW IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: DIACHRONIC ASPECT

L. V. Popova

Chelyabinsk State University, Miass branch, Miass, Russia. mila_fil@mail.ru

The historical relationship between the macro concept «truth — justness» and the concept «law» in the Russian language picture of the world is considered. The frequency of verbalization of concepts in the Old Russian language on the material of the National corpus of the Russian language testifies to the same degree of their relevance. The concept «law» is not an anti-value in the Old Russian period. The concept «law» is more typical for the religious sphere, both in religious and legal meaning. The legal sphere is characterized by the macro concept «truth — justness» in the meaning of ‘legal norm’, ‘legal act’. Using manual collection, the connection between the concepts «law» and «truth — justness» in the language of Russian law of the 15th — 19th centuries is fixed. The long-term syncretic nature of the notion of lawfulness in the Russian legal consciousness is confirmed.

Keywords: *concept «law», macro concept «truth — justness», legal consciousness, legal term, language picture of the world, legal language.*

References

1. Arutyunova N. D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd edition. Moscow. 896 p. [in Russ.].
2. Babaeva E. V. (2003) *Konceptologicheskie harakteristiki social'nyh norm v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah* [Conceptological characteristics of social norms in German and Russian linguocultures]. Volgograd. 171 p. [in Russ.].
3. Bajdavletova L. R. (2016) *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 3 (73), pp. 92—98 [in Russ.].
4. Belyaev G. G. (2003) *Konceptual'nye osnovy moral'no-pravovoj regulyacii obshchestvennyh otnoshenij na Rusi v X—XVI vekah (Social'no-filosofskij analiz)* [Conceptual foundations of moral and legal regulation of social relations in Russia in the X-XVI centuries (Socio-philosophical analysis). Thesis]. Moscow. 329 p. [in Russ.].
5. Bogacheva E. A. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (453). *Filologicheskie nauki*, iss. 125, pp. 7—14 [in Russ.].
6. Vasil'ev A. A. (2009) *Sovremennoe pravo*, no. 12, pp. 3—11 [in Russ.].
7. Vorkachev S. G. (2009) *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture* [Seek the truth: the idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd. 190 p. [in Russ.].
8. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow. 696 p. [in Russ.].
9. Zolotuhina N. M. (2018) *Lex russica (Russkij zakon)*, no. 8 (141), pp. 43—67 [in Russ.].
10. Ivanov V. V., Toporov V. N. (1978) *O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskol'kih klyuchevykh terminov)* [On the language of ancient Slavic law (to the analysis of several key terms)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII Mezhdunar. s'ezd slavistov* [Slavic linguistics. VIII International Congress of Slavists: reports of the Soviet delegation]. Moscow. Pp. 221—240. [in Russ.].
11. Il'in I. A. (1996) *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: in 10 vol. Vol. 6. Bk. 2. Moscow. 672 p. [in Russ.].
12. Kalajdovich P. F. (1817) *Sinonimy* [Synonyms]. *Trudy Obshchestva lyubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [Proceedings of the Society of lovers of the Russian literature at the Imperial Moscow university]. Moscow. Part IX, bk. XIII. Pp. 112—134 [in Russ.].
13. Kas'yanova K. (1994) *O russkom nacional'nom haraktere* [About the Russian national character]. Moscow. 367 p. [in Russ.].

14. Kireevskij I. V. (1852) O haraktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii (Pis'mo k grafu E. E. Komarovskomu) [On the nature of the enlightenment of Europe and its attitude to the enlightenment of Russia (Letter to Count E. Ye. Komarovsky)]. Available at: http://az.lib.ru/k/kireevskij_i_w/text_1852_o_haraktere_prosveshchenia.shtml (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
15. Kistyakovskij B. (1909) V zashchitu prava (Intelligenciya i pravosoznanie) [In defense of law (Intelligentsia and legal consciousness)]. Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii [Milestones: Collection of articles on the Russian intelligentsia]. Moscow. Available at: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html> (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
16. Kolesov V. V. (2006) Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg. 624 p. [in Russ.].
17. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Haritonov A. A. (2014) Slovar' russkoj mental'nosti [Dictionary of the Russian mentality in 2 vol.] St. Petersburg [in Russ.].
18. Kuznecova Yu. A. (2018) *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, no. 4 (123), pp. 246—254 [in Russ.].
19. Levchuk L. K. (2017) *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (32), pp. 226—231 [in Russ.].
20. Lykova N. N. (2016) *Politicheskaya lingvistika*, no. 5 (59), pp. 142—149 [in Russ.].
21. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. (2020) Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow. 529 p. [in Russ.].
22. Mel'nikova A. A. (2003) Yazyk i nacional'nyj karakter. Vzaimosvyaz' struktury yazyka i mental'nosti [Language and national character. The relationship of language structure and mentality]. St. Petersburg. 320 p. [in Russ.].
23. Murav'ev V. N. (1918) Rev plemeni [Roar of the tribe]. Iz glubiny: Sbornik statej o russkoj revolyucii [From the depths: Collection of articles on the Russian revolution]. Moscow; Petrograd. Available at: <http://www.vehi.net/deprofundis/muravev.html> (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
24. Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
25. Ozyumenko V. I. (2016) *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*, vol. 20, no. 3, pp. 195—213 [in Russ.].
26. Pimenova M. V. (2009) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, no. 2, pp. 96—100 [in Russ.].
27. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1830—1884). [Full Meeting of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg. Issue I, II [in Russ.].
28. Rogov V. A., Rogov V. V. (2006) Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava (Ocherki IX — serediny XVII vv.) [Old Russian legal terminology in the relation to the theory of the right (Sketches of IX — the middle of the 17th centuries)]. Moscow. 269 p. [in Russ.].
29. Rossijskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov (1984—1994) [Russian legislation of the X—XX centuries in 9 vol.]. Moscow [in Russ.].
30. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. (1975—1991, 1992) [Dictionary of Russian of the 11—17th centuries]. Moscow. Issue 1—17; Issue 18 [in Russ.].
31. Stepanov Yu. S. (2001) Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of the Russian Culture]. Moscow [in Russ.].
32. Shelestyuk E. V. (2016) K voprosu o vzaimovliyanii social'nyh institutov i kul'turnyh skriptov [On the question of the mutual influence of social institutions and cultural scripts]. Linguoculture of the University Lingvokul'tura universiteta [Linguoculture of the University]. Chelyabinsk. Pp. 37—56. [in Russ.].